

© 1999 г., ЭО, № 4

Б.Л. Хамидуллин

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА: ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Проблема, вынесенная в заголовок статьи, — одна из самых принципиальных в истории Казанского государства, а если взять шире — в этносоциальной и политической истории многих народов, издавна населяющих территорию Среднего Поволжья (в первую очередь в истории казанских татар). Впервые в изученных к настоящему времени источниках данная проблема затрагивается в русской летописи XVI в., известной нам под названием «Казанская история». Позднее ей уделяли пристальное внимание историки Андрей Лызлов, Петр Рычков, Шигабутдин Марджани, В.В. Вельяминов-Зернов, Мухаммед-Мурад Рамзи (его двухтомный труд по истории Поволжья, изданный в 1908 г. в Оренбурге, известен лишь узкому кругу специалистов), Гайнетдин Ахмеров, Ризаэтдин Фахретдинев, Габдельбари Баттал, Хади Атласи, Михаил Худяков, Акдес Нимет Курат, Алексей Смирнов. Во второй половине XX в. свое слово по проблеме этнического и социального состава Казанского ханства высказали С.Х. Алишев, М.И. Ахметзянов, Д.М. Исаков, А.Г. Мухамадиев, Ш.Ф. Мухамедьяров, М.Г. Сафаргалиев, М.А. Усманов, Р.Г. Фахрутдинов и др. Мнения историков по данному вопросу нередко принципиально расходятся, и проблема в целом считается окончательно не решенной.

* * *

В 1419 г. золотоордынский престол занял хан Улу-Мухамед¹. Он был потомком Джучи хана. Его отцом различные источники называют Тимер хана, Джелал ад-Дина, Ичкили-Хасана и других ханов-чингизидов. Дедом Улу-Мухамеда некоторые источники называют хана Тохтамыша. Критический анализ источников позволяет считать наиболее достоверной следующую родословную Улу-Мухамед хана: Улу-Мухамед — Хасан — Чинче — Тулак-Тимер — Кончак — Сарыча — Уз-Тимер — Тукай-Тимер — Джучи — Чингисхан².

Занятие престола ханом Улу-Мухамедом не прекратило начавшуюся после смерти хана Тохтамыша и эмира Идегея междоусобную борьбу в Джучиевом улусе. Об этом писал в своей хронике Эль-Айни³. Именно это, по мнению М.Г. Сафаргалиева, приводит к фактическому разделению Золотой Орды на две самостоятельные части⁴: западную и восточную. В восточной части некогда единого Джучиева улуса образуется Ногайская Орда и начинают оформляться Сибирское, Узбекское и Казахское ханства. А западные территории становятся объектом ожесточенной борьбы между ханами Улу-Мухамедом, Давлет-Берди и Бараком.

Смерть в октябре 1430 г. литовского великого князя Витовта, союзника Улу-Мухамеда, поставила хана в затруднительное положение. Междоусобица в Литве, поддержка Улу-Мухамедом одной из враждующих литовских феодальных группировок⁵, приводят к разрыву дружественных отношений между двумя государствами. Литовские феодалы заняли враждебную позицию в отношении Улу-Мухамеда, взяв курс на сближение с его противниками на Руси и в Крыму.

В последующие 6 лет сведений об Улу-Мухамед хане мало. Можно отметить лишь упомянутую во многих русских летописях поддержку ханом московского князя

Василия II, стремившегося побороть галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича и укрепиться на троне «всея Руси», а также информацию Иосафета Барбаро об усилении противостояния хана с чингизидом Кичи-Мухамедом.

Противостояние между двумя Мухамедами привело весной 1437 г. к началу серьезных военных действий. История этой войны, закончившейся изгнанием Улу-Мухамеда в 1438 г. из Дешт-и-Кипчака, подробно описана И. Барбаро, который был свидетелем событий. Как видно из его описания, главной причиной поражения Улу-Мухамеда можно назвать предательство его вассалов, недовольных различными нюансами внешней и внутренней политики, проводимой ханом. Покинутый своими подданными и «чувствуя себя не в силах бороться со столь опасным соперником»⁶, как Кичи-Мухамед, Улу-Мухамед «в мале дружине своей»⁷ бежал из Орды.

После изгнания из Дешт-и-Кипчака хан Улу-Мухамед ушел со своей ордой, включавшей наиболее близких ему родственников и друзей с семьями, на север и вскоре осел в г. Белеве. Затем хан вступил в переговоры с великим князем Василием II, который отверг их и направил против Улу-Мухамеда 40-тысячную армию. После сражения под Белевом, в котором воины хана одержали победу, достоверной информации об Улу-Мухамеде мало. Например, не совсем ясно, был ли он в Казани или нет. Точно известно лишь, что хан захватил Нижний Новгород и организовал поход на Москву. Весной 1445 г. происходит новое столкновение между войсками Улу-Мухамеда и Василия II. В знаменитой битве близ Евфимьева монастыря войска великого князя были разгромлены, а сам он попал в плен, в котором находился, впрочем, недолго.

В октябре-ноябре 1445 г. орда хана Улу-Мухамеда появляется у стен Казани. Хотел ли хан найти себе окончательное пристанище в этом городе⁸ или рассчитывал использовать его как плацдарм для возвращения власти на всей территории Золотой Орды? Эти вопросы, по-видимому, останутся без ответа. Так же, как и еще один вопрос: а был ли хан Улу-Мухамед в Казани (правил ли он тут)?

Казанский летописец называет Улу-Мухамеда первым казанским ханом, якобы убитым своим сыном Махмутом⁹. Но источники противоречивы. Воскресенская летопись сообщает под 1445 г.: «Тое же осени царь Мамотяк, Улу-Магметов сын, взял город Казань, вотчича казанского князя Либея убил, а сам в Казани сел царствовать». А в Никоновской летописи (1445 г.) читаем: «А царь Мамутяк пришед из Курмыша Казань взял, а казанского князя Азья убил, а сам на Казани воцарился, и оттоле нача царство быти Казанское». Родословная книга сообщает: «... У Улу-Мазмета сын Мамотяк, то первый царь на Казани»¹⁰.

На наш взгляд, упоминаемый русскими летописями факт завоевания Казани ханом Махмутом можно считать более достоверным, и, видимо, с этого времени в Казанском государстве, сложившемся на рубеже XIV–XV вв.¹¹, устанавливается власть ордынской династии. В то же время нельзя отрицать и роль Улу-Мухамеда в этих политических процессах. Именно такой точки зрения придерживался авторитетный исследователь средневековой истории Поволжья В.В. Вельяминов-Зернов, и в настоящее время его поддерживают С.Х. Алишев, Р.Г. Фахрутдинов и некоторые другие ученые¹².

Вместе с тем необходимо отметить наличие иных точек зрения на данный вопрос. По мнению А.И. Лызлова, «Казанская Орда» ведет свое начало с 1257 г. и образована она была сыном Бату хана Сартаком¹³. По мнению исследователя М.И. Ахметзянова, основанному на сопоставительном анализе русских летописей, татарских шежере, эпических сказаний и других тюрко-татарских источников, начальной датой в истории Казанского ханства следует считать 1361 г.¹⁴ Именно с этого времени до середины XVI в., как полагает М.И. Ахметзянов, в этом государстве была татарская династия правителей¹⁵. Историк-нумизмат А.Г. Мухамадиев считает, что первым казанским ханом, т.е. первым чингизидом на казанском троне, правившим с 1422 по 1445 г., являлся Гияс ад-Дин, хорошо известный по монетам, чеканенным в Казани с 1422 г. по конец 30-х годов XV в.¹⁶ По мнению А.Г. Мухамадиева, именно о нем сообщает никоновская летопись (см. выше). Большинство же исследователей, ссылаясь на

сообщение казанского летописца о воцарении в Казани в 1438 г. хана Улу-Мухамеда, считают его первым казанским ханом. Такой точки зрения придерживались Х. Атласи, З. Валиди, М.Г. Худяков, Г. Баттал, Р. Фахретдинев, А. Нимет Курат, а в настоящее время ее поддерживают Ш.Ф. Мухамедьяров, М.А. Усманов и др. Есть и попытки объединить сообщения различных русских летописей: якобы первоначально казанский престол занимал хан Улу-Мухамед, который отстранил от управления страной местного «булгарского» правителя Галимбака (в русских летописях – Либей); после смерти в 1445 г. Улу-Мухамеда Галимбака попытался вернуть казанский престол, за что поплатился головой; казанским ханом стал сын Улу-Мухамеда Махмут¹⁷. Данную точку зрения высказал Ш. Марджани, и она заслуживает серьезного отношения, так как, во-первых, соединяет воедино сведения разных источников и восточной историографии, недоступной нам по многим причинам¹⁸.

Остается надеяться, что углубленный анализ известных письменных, археологических, фольклорных источников и привлечение в будущем новых данных позволит с большей точностью ответить на этот сложный и принципиальный вопрос.

Какие же изменения происходят в Казанском государстве после установления здесь власти ордынской династии? Рассмотрим этнический аспект этого вопроса.

По мнению некоторых исследователей, претерпевшее определенную этноэволюцию в период Золотой Орды местное население с приходом в Среднее Поволжье орды Улу-Мухамеда не имело существенных изменений в этническом плане и в «основной своей массе оставалось аборигенного булгарского происхождения»¹⁹. М.И. Ахметзянов называет булгар «коренным населением Казанского ханства»²⁰. Р.Г. Фахрутдинов, ранее также придерживавшийся этой точки зрения²¹, в последних своих работах отмечает приход в середине XV в. в Среднее Поволжье «солидного количества татарского населения, сыгравшего большую роль в окончательном формировании народности казанских татар»²².

Попытаемся разобраться в этом вопросе. В первую очередь необходимо хотя бы ориентировочно определить численность местного населения в середине XV в. и численность орды Улу-Мухамеда, появившейся в Среднем Поволжье. По мнению этнолога Д.М. Исхакова, «надо полагать, что собственно булгарские группы к началу XV в. были не слишком многочисленными»²³. Исследователь ссылается на «Казанскую историю», в которой о приходе Улу-Мухамеда в Казань говорится: «И ради ему бысть изо оставшихся от плена худья болгары. И молиша его казанцы быти ему заступника бедам их, и помощника от насилия, воевания русаго, и быти царьству строителя, да не до конца запустеют, и повинишася ему»²⁴. В данном случае, по мнению Д.М. Исхакова, понятие «худья болгары» имеет наряду с политическим и социальным еще и демографический смысл, означая «несильные», «немногочисленные». Однако ученый избегает количественных оценок булгарского населения в данный период. Учитывая, что Д.М. Исхаков оценивает численность местного основного населения в первой половине XVI в. в 180–240 тыс. чел.²⁵ (из текста видно, что автор реально представляет силы орды Улу-Мухамеда, не повлиявшей существенно, по его мнению, на демографическую ситуацию в регионе), можно заключить, что в середине XV в. численность этого населения была не менее 100 тыс. А если более критично отнестись к сообщению казанского летописца и учесть, что Казанское государство включало в свой состав не только булгарское население, имевшее хазарские, печенежские, кипчакские, огузские, татарские и иные тюркские этнические компоненты, которые влились в состав местного населения в периоды развития Волжской Булгарии и Золотой Орды, но и другие племена и народы, добровольно подчиненные казанцам²⁶, то это число, несомненно, увеличится.

Ориентировочная численность орды Улу-Мухамеда, появившейся у стен Казани, известна по письменным источникам. Так, «Казанская история» сообщает о 3 тыс. татар в орде²⁷, а Патриаршая, или Никоновская, летопись информирует, что «татар было тогда добре мало»²⁸. Все это дает повод не согласиться с Р. Фахрутдиновым, оценивающим орду Улу-Мухамеда в «как минимум 200 тыс. человек»²⁹, тем более что

в данном случае русским летописям можно доверять – какой им смысл преуменьшать силы противника, который несколько раз громил русские войска (под Белевом, Нижним Новгородом, Москвой, близ Евфимьева монастыря и т.д.)? А если учесть военные потери и уход части татар на территорию образованного позднее Касимовского ханства, то станет ясно, что к 1445 г. орда была немногочисленной. В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, имеющей много аналогов в истории Золотой Орды, когда невладелительный чингизид с горсткой неподвижников «ищет место под солнцем»...

Таким образом, мы можем сделать вывод о приходе малочисленной орды Улу-Мухамеда в Среднее Поволжье. По-видимому, по прошествии нескольких поколений пришельцы из южных степей «растворились» в местной близкородственной этнической среде (этот процесс именуется «этнической конверсацией»³⁰)*. Похожую ситуацию мы наблюдали в периоды становления Дунайской Болгарии, Киевской Руси, Англии и других государств с той лишь разницей, что там отсутствовала близкородственность аборигенного и пришлого населения.

Однако нельзя, исходя только из количественных критериев, занижать роль татар в этнических процессах, происходивших в середине XV в. в Казанском государстве. Это связано с активной поведенческой пластичностью татар, наличием их политической власти на всей территории Восточной Европы, а также с существованием положительной комплиментарности (ощущение подсознательной взаимной симпатии) между пришельцами и коренным населением, о чем свидетельствовал автор «Казанской истории» (см. выше). Давление пассионарности³¹ татар орды Улу-Мухамеда приводит к качественному изменению, трансформации болгарского этноса в XV–первой половине XVI в., образованию в составе татарского этноса субэтноса казанских татар (возможно – в составе татарского *суперэтноса этноса казанских татар*)³². В немалой степени этому способствует также приход мирных переселенцев «от Златяя Орды, от Асторохани, и от Азова и от Крыма...»³³, а также постоянное пополнение местной правящей элиты государства выходцами из Касимовского, Крымского, Астраханского, Сибирского ханств, Большой и Ногайской Орд³⁴.

Какие же данные позволяют нам говорить о трансформации болгарского этноса в XV–первой половине XVI в.?

Как мы знаем, для этноса как устойчивой динамической системы характерны не только преемственность, непрерывность развития, но и изменения во времени, которые принято именовать этническими процессами³⁵. Любое изменение того или иного компонента этноса представляет собой происходящий в нем процесс и может быть классифицировано как этнический процесс. В том случае, когда речь идет об изменениях отдельных компонентов этнической системы, имеющих эволюционный характер в том смысле, что сама система в целом сохраняется как таковая, этот вариант этнических процессов называется *этноэволюционным* (он, на мой взгляд, наблюдался в этническом развитии волжских болгар периода Золотой Орды). Этнические же процессы, связанные с «разрывом» постепенности, называются *этнодискретными*, или *этнотрансформационными*³⁶. Трансформационные этнические процессы представляют собой своеобразный итог эволюционных этнических изменений и ведут к возникновению новых этнических образований.

Наличие трансформационного процесса, ведущего к возникновению нового этнического образования, мы можем фиксировать через призму изменения этнического

* На мой взгляд, необходимо отказаться от крайностей представлений миграционизма и автохтонизма. Эти крайности ведут лишь к упрощенной трактовке этнических процессов. Важно понимание факта взаимовлияния пришельцев и аборигенов. Синтез суперстрата (пришлого населения) и субстрата (местного населения) происходит не только различными темпами, с различной интенсивностью, но и нередко не в одинаковых направлениях. В этой связи следует дифференцированно подходить к изменениям в сфере языка, бытовой культуры, антропологического типа, этнического самосознания, включая самоназвание и т.д., так как многочисленные историко-этнографические материалы свидетельствуют о том, что даже ассимилированные народы и этнические группы, как правило, передают «победителям» не только этнокультурное, но и биогенетическое наследие. См., напр.: *Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 281–283; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1996.*

самосознания населения, что довольно часто находит свое отражение в изменении этнического самоназвания³⁷. Однако мы должны учитывать, что этническое самосознание в феодальный период развития общества очень неустойчиво и изменчиво. Оно часто несет в себе черты этнополитического, этноконфессионального, этносоциального, чисто этнического и т.д., что, естественно, нередко отражается и в самоназвании этноса.

Какие же самоназвания государствообразующего этноса Казанского ханства мы находим в источниках? Их четыре: татары, мусульмане, болгары, казанцы. Попробуем выделить те основные факторы, которые повлияли на развитие перечисленных выше названий в среде государствообразующего населения ханства.

Татары (*татар, татарлар*) – несомненно наличие этнического, политического и социального содержания. Часть населения Казанского ханства, безусловно, связывала свое происхождение с золотоордынскими и даже с центральноазиатскими татарами. Качество политонима это этническое наименование начинает приобретать уже с середины VI в.³⁸, а позднее данное содержание имени *татары* развивается в периоды существования Тюркского, Уйгурского, Кимакского каганатов, татарских государств дочингисовой эпохи³⁹ и других государственных образований. В период Золотой Орды (в источниках именуемой *Джучиевым Улусом, Татарией, Дешт-и-Кипчаком* и т.д.) и позднейших татарских ханств, в частности Казанского ханства, политоним *татары* укрепляется в сознании обширного населения Северо-Западной Азии и Восточной Европы. Качество соционима первоначальное этническое наименование *татары* приобретает в период Золотой Орды, Казанского, Крымского, Касимовского, Астраханского, Сибирского ханств, Большой и Ногайской Орд. Именно в периоды развития этих государств формируется этнократия в лице «татар», в руках которых и находились «бразды правления» данными государствами.

Мусульмане (*мослимин, моселман, моселманнар*) – ярко выраженное наличие религиозного фактора. Таким образом, самоназвание *мусульмане* – это в первую очередь конфессионим, трансформированный со временем в некий этнический определитель.

Болгары (*болгар, болгарлар*) – несомненно наличие этнического и политического факторов, возможно – факторов социального и религиозного. Этнический фактор сформировался потому, что часть населения Казанского ханства связывала свое происхождение с тем посткифским и постгуннским населением, которое первоначально являлось государствообразующим в причерноморской Великой Болгарии, а затем в Волжско-Камской Булгарии. Качество политонима первоначальное этническое наименование *болгары* приобретает в периоды Великой Болгарии, Волжской Булгарии, Золотой Орды (составной частью которой являлся «Булгарский улус»), Казанского ханства (в источниках нередко именуемого Булгарией, Булгарским государством⁴⁰; столица государства Казань первоначально именовалась Булгаром⁴¹). Возможно, в период Казанского ханства за названием «болгары» закрепляется и определенное социальное значение, указывающее на податное население, подвластное «татарам». Религиозный же оттенок данного наименования мог сформироваться в результате того, что болгары гораздо раньше приняли ислам, нежели, скажем, татары или кипчаки, и в памяти населения Среднего Поволжья последние могли ассоциироваться с «язычниками» и «иноверцами» (именно этим, на мой взгляд, можно объяснить неприятие частью тюркского населения Среднего Поволжья имени «татары» вплоть до начала XX в.).

Казанцы (*казанлы, казан кешесе, казанлылар*) – ярко выраженное наличие политического содержания. Данное содержание формируется, по всей видимости, еще в период существования Волжской Булгарии, а затем развивается в эпоху Золотой Орды и Казанского государства.

Какое же из перечисленных выше самоназваний государствообразующего населения Казанского ханства наиболее преобладало? Источники показывают, что это наименование *казанцы*⁴². Например, автор «Казанской истории» (по собственному

утверждению, он пробыл в Казанском ханстве около 20 лет) употребляет данный этноним по отношению к местному основному населению более 300 раз (к примеру: «убитых же казанцев на том бою 42 000», «с русью бяхуся казанцы», «народ казанский», «царь с казанцы своими», «казанские люди» и т.д.), а этнонимы *татары* и *болгары* употребляет крайне редко. Другие русские летописи также отдают предпочтение этнониму *казанцы* (см., напр., Никоновскую летопись). О преобладании этого этнонима среди государствообразующего населения Казанского ханства сообщают нам и татарские историки начала XX в., знакомые с широким кругом восточных источников (в том числе с несохранившимися до наших дней), в частности Г. Ахмеров, Г. Баттал и Г. Губайдуллин⁴³.

В чем же секрет победы наименования *казанцы* в среде местного основного населения периода Казанского ханства? Ответ, скорее всего, кроется в универсальности этого имени, «нейтральности» его по отношению к этнополитонимам *болгары* и *татары*. Сильное влияние на этот процесс, по моему мнению, оказывают смешанные в этническом отношении браки, потомство от которых с самого начала имело *кризисное*, как бы раздвоенное (возможно, и более), этническое самосознание, не позволяющее отдать предпочтение ни этнониму *болгары*, ни этнониму *татары*, ни какому-либо другим этнонимам.

Таким образом, термин *казанцы*, имеющий первоначально политическое содержание, обозначающее жителей Казанского «княжества» Булгарского улуса Золотой Орды, становится в период Казанского ханства конкретным этнонимом основного населения (как и употребление словосочетания «человек Срединного государства» у древних китайцев⁴⁴, «римляне» у граждан Римской империи, «московиты» у русских в XV–XVI вв. и т.д.), сменив постепенно выходящий из употребления этноним *болгары*.

Все вышесказанное и является, на мой взгляд, важным свидетельством этнотрансформации булгарского этноса в XV – первой половине XVI вв., которая приводит к формированию в составе татарского этноса субэтноса казанских татар (по моему глубокому убеждению, нельзя ставить знак равенства между татарами VI в., татарами XII в. и современными татарами, окончательно сформировавшимися в периоды существования Золотой Орды и постзолотоордынских государств; костяк данных этнических образований, вполне возможно (а сомнения есть) один и тот же, но это не означает их полной идентичности).

Какие же изменения мы наблюдаем в середине XV в. в социально-политической жизни Казанского государства? Необходимо отметить, что ордынский хан возглавил уже сложившееся феодальное государство⁴⁵. Однако изменился политический статус этого государства – его главой стал хан, потомок Чингисхана, а это существенно подняло престиж государства и изменило отношение к нему соседей, в частности правителей Сарая и русских князей. Доказательством этого служит увеличение территории Казанского государства до пределов домонгольской Волжской Булгарии и даже шире⁴⁶, а также отсутствие в источниках сведений о походах на Казань сарайских и русских феодалов в период правления Махмута-хана⁴⁷. Как правильно подметил Ш. Марджани, «в это время Казанское государство набирает мощь»⁴⁸.

Организация государства после 1445 г. приобрела некоторые специфические черты. Захватив власть в Казанском государстве, ордынские феодалы для упрочения своего господства над местным населением должны были стремиться играть ведущую роль не только в политической, но и в хозяйственно-экономической жизни региона. Убийство Махмутом «князя Либя», подтверждает, что эта политика была направлена против местных феодальных кланов* и заключалась в стремлении занять господствующее положение в государстве, что осуществлялось путем изъятия у местных феодалов

* «Местные феодальные кланы» в данном случае – довольно широкое понятие. Речь идет не только о потомках феодальной знати Волжской Булгарии, но и о многочисленных представителях золотоордынской аристократии, находившихся в Среднем Поволжье.

основного средства производства – земли. В Казанском ханстве создан новый слой землевладельцев, который в основном формировался за счет представителей «орды Улу-Мухамеда». Доказательством этого служит пребывание в Казанском ханстве родов-кланов Ширин, Барын, Аргын, Кипчак, Мангыт и др.⁴⁹, которые, по-видимому, владели различными областями государства⁵⁰. Лидеры этих кланов были приближенными хана. Сигизмунд Герберштейн, побывавший два раза в начале XVI в. в Москве, писал: «У татарских царей есть четыре советника, к которым в важных делах они прибегают прежде всего. Первый из них называется Ширни, второй – Барни, третий – Гаргни, четвертый – Цицпан»⁵¹. По мнению М.А. Усманова, эти данные не противоречат другим источникам⁵².

Положение в обществе отдельных лиц, групп и классов определялось их отношением к земле. Феодальная иерархическая лестница Казанского государства с 1445 г. представляла собой следующее. Верховная власть в стране принадлежала хану, и все земли государства практически считались ханской собственностью⁵³, использовались крестьянами на общинных началах с условием обязательной платы за это. Плата осуществлялась через феодалов-тарханов или представителей администрации хана в виде различных налогов и повинностей.

Так как многие события в истории Казанского ханства тесно связаны с именами правивших здесь ханов, мы сочли необходимым дать список их имен с указанием годов правления: ? – 1438–1445 гг. – Улу-Мухамед; 1445–1467 гг. – Махмут; 1467 г. – Халил; 1467–1479 гг. – Ибрагим; 1479–1484 гг. – Али; 1484–1485 гг. – Мухамет-Эмин; 1485 г. – второе правление Али; 1486 г. – второе правление Мухамет-Эмина; 1486–1487 гг. – третье правление Али; 1487–1496 гг. – третье правление Мухамет-Эмина; 1496 г. – Мамук; 1497–1502 гг. – Абдул-Латиф; 1502–1519 гг. – четвертое правление Мухамет-Эмина; 1519–1521 гг. – Шах-Али; 1521–1524 гг. – Сахиб-Гирей; 1524–1532 гг. – Сафа-Гирей; 1532–1536 гг. – Джан-Али; 1536–1546 гг. – второе правление Сафа-Гирей; 1546 г. – второе правление Шах-Али; 1546–1549 гг. – третье правление Сафа-Гирей; 1549–1551 гг. – Утямыш-Гирей (регентша – мать Сююмбика); 1551–1552 гг. – третье правление Шах-Али; 1552 г. – Ядигер.

При рассмотрении списка ханов, правивших в Казани с 1445 по 1552 г., поражает частая смена этих лиц на престоле – в течение 106 лет сменилось 13 ханов, причем некоторые из них правили по 3–4 раза. Это объясняется «политическим расслоением внутри государства, вызывавшем постоянную борьбу за верховную власть и искусственно обрывавшем начавшееся царствование того или другого лица»⁵⁴. Ханская власть в государстве попала в зависимость от местных кланов и «партийных» течений, и это обстоятельство, по мнению М.Г. Худякова, «вполне соответствует той бледной роли, которую играли казанские ханы в государственном управлении, где они по большей части являлись игрушками в руках различных партий»⁵⁵. Решения государственного значения хан мог принимать лишь с согласия *дивана* – совета при хане, состоявшего из наиболее представительных феодалов и высшего духовенства. Светские члены этого совета носили название *карачи* – смотрители. Среди них выделялся *улу карачи* – старший смотритель. По всей видимости, это звание носили представители татарского рода Ширин⁵⁶, так как в русских летописях эмир Булат Ширин назван «карача Казанский большой», а его сын Нурали – «большой карача Казанский»⁵⁷. Судя по передаче звания *улу карачи* от отца к сыну в роду Ширин, оно было наследственным. Соединение определенных государственных должностей с принадлежностью к знатнейшим татарским родам – характерная черта государственного строя Казанского ханства.

Для решения важнейших государственных вопросов (избрание или низложение хана, объявление мира или войны, заключение международных договоров и т.д.) собирався съезд землевладельцев, военных и духовенства, известный под именем «вся земля Казанская», или *курултай*⁵⁸. Прочие слои населения в *курултае* представлены не были, поэтому нельзя назвать его народным собранием⁵⁹. По подсчету М.Г. Худякова, в русских письменных источниках упоминается 14 случаев созыва *курултая* в Казанском ханстве⁶⁰. Он созывался в 1496 г. после низложения хана Мамука; в 1516 г.; в 1518 г.;

в 1519 г. при избрании на престол хана Шах-Али; в 1524 г. для заключения мира с Москвой; в 1530 г.; в 1532 г. при низложении хана Сафа-Гирея; в 1536 г. при возведении на престол Сафа-Гирея; в 1542, 1546, 1551 гг. Вполне возможно, что курлтай созывался и в другие годы. По мнению многих исследователей, созыв курлтая в Казанском ханстве – традиция, привнесенная в Восточную Европу монголами⁶¹.

Вслед за феодальной верхушкой государства, которую представляли хан, высшее духовенство и эмиры-карачи, шли беки, мирзы, огланы, казаки⁶² и феодализирующаяся знать подвластных народов⁶³. Как видим, состав титулованной аристократии в Казанском ханстве был довольно разнообразным. Здесь были и потомки местных болгарских феодалов, и потомки золотоордынской знати, и представители крымских феодальных кланов (тоже потомков ордынской знати), количество которых существенно увеличивается с первой трети XVI в.⁶⁴ Состав казанской аристократии постоянно пополнялся – сюда вливались беки и мирзы ногайские, касимовские, сибирские и пр.

Эмиры, беки и мирзы составляли главный контингент крупных землевладельцев в стране. Основной массе этих феодалов хан пожаловал за их военные и иные заслуги право собирать ясак в свою пользу с закрепленных земель (*сойюргал*). Владелец сойюргала, получая в наследственное пользование землю с местными крестьянами, взимал с последних налог, шедший ранее в виде ясака в ханскую казну. За это владелец сойюргала должен был нести при хане военную службу, о чем сообщают многочисленные источники⁶⁵. Сохранились два сойюргально-тарханных ярлыка, выданных казанскими ханами Ибрагимом и Сахиб-Гиреем. Ярлыки начинаются с имени хана и подтверждают привилегии, которыми пользовались предки – правопредшественники держателей ярлыка⁶⁶.

С XV в. в Казанском государстве стал внедряться институт служилых людей, более мелких, чем владельцы сойюргала или тархана. Эту группу феодалов составляли служивые люди – *огланы* и *казаки*. За свою службу они также получали право сбора ясака и других податей с отдельных аулов. До наших дней в названиях деревень сохранились упоминания о таких владениях: Кошак-Уланово, Большие Казаки и др.

Мусульманское духовенство занимало почетное место в государстве. Глава духовенства, всегда избиравшийся из числа *сеидов* (потомков пророка Мухаммеда), считался после хана первым лицом в стране. В моменты междоусобицы он в силу своего высокого положения обычно становился во главе временного правительства⁶⁷. Нередко глава духовенства страны выполнял и дипломатические поручения, что требовало от него образованности и опыта в светских делах⁶⁸.

К числу лиц духовного звания принадлежали также *шейхи*, *муллы*, *имамы*, *дервиши*, *хаджи*, *хафизы*, *мударрисы* и др.⁶⁹ Они выполняли важную миссию по культурному просвещению населения Казанского ханства. Этому способствовала широкая сеть духовных учебных заведений, а также наличие высшего учебного заведения при главной мечети в Казани⁷⁰.

Важно подчеркнуть, что в Казанском ханстве при главенстве исламской религии существовала полная веротерпимость. В немалой степени это было связано с традициями, унаследованными от Волжской Булгарии и Золотой Орды. В самой Казани находился христианский храм – армянская церковь, а большая часть финно-угорского и часть тюркского населения страны продолжала исповедовать языческие верования предков. Ислам распространения ненасильственно, добровольно, в результате усиления этнокультурных контактов внутри полиэтничного государства, ведших к этнокультурной интеграции⁷¹.

Большую прослойку в структуре Казанского ханства составляли различного рода чиновники. Их должностные названия представлены в ярлыках казанских ханов. Среди них можно выделить судей, стражей порядка, таможенников, сборщиков пошлин и налогов, послов, переводчиков и т.д. По мнению авторитетного исследователя истории Казанского ханства М.Г. Худякова, вся сложная система административного управле-

ния, обслуживавшаяся значительным штатом должностных лиц и чиновников, была «принесена» в Казань из Сарайского ханства, т.е. из Золотой Орды⁷².

Феодалы, духовенство и чиновничество составляли тот привилегированный, господствующий слой населения, который назывался *ак сояклэр* – «белая кость» или *зур кешелэр* – «большие люди» в противоположность *черному люду*, *меньшим людям* (по-тюркски – *кара халык кешелэр*). Крестьянство, считавшееся юридически свободным, фактически находилось в зависимости от феодалов и было обременено различными податями, количество которых не превышало 20⁷³. Среди них можно выделить *ясак*, *калан*, *харадж*, *ушр*, подушную подать, *тутун саны*, *бадж*, *кунишную пошлину*, обязанность участвовать в строительстве укреплений и мостов, кормить ханских слуг и т.д.⁷⁴ Относительно небольшую часть податного населения государства составляли ремесленники и торговцы, живущие в городах.

Недовольство податного населения внутренней политикой казанских ханов нередко приводило к социальному кризису в государстве. Особенно часто они возникали в конце XV – первой половине XVI вв. в 1496, 1531, 1545–1546, 1549, 1551 гг.⁷⁵, главным образом в период правления хана Сафа-Гирея. В таких случаях русские летописцы отмечали: «Не хотят бо казанцы меншие больших слушати и покоритсы им»⁷⁶. Однако следует особо подчеркнуть, что социальные кризисы внутри Казанского ханства никогда не перерастали в этнические. В немалой степени это было следствием уравновешенной национальной политики казанского правительства начиная с первых дней образования государства⁷⁷.

Сделаем некоторые выводы.

1. Приход в Среднее Поволжье малочисленной по сравнению с местным населением орды Улу-Мухамеда приводит к трансформации, качественному изменению этнического развития местного основного населения, к формированию в период Казанского ханства в составе татарского этноса (суперэтноса) субэтноса (этноса) казанских татар⁷⁸.

2. Организация Казанского государства после 1445 г. приобретает некоторые специфические черты, синтезирующие традиции государственного строительства населения Среднего Поволжья и евразийских степей.

И последнее, что мне хотелось сказать в данной работе. В разные периоды развития человеческого общества внутри существующих государств у народов, связанных между собой экономически и культурно и сознающих свою принадлежность к единому политическому целому, независимо от того, говорят ли эти народы на родственных или неродственных языках, складывались метаэтнические этнополитические общества⁷⁹.

Метаэтнические общности в той или иной мере формировались во всех государствах с полиэтничным составом населения, но этнополитическими их можно назвать не везде. Последние возникали только там, где в отношениях между отдельными народами преобладали центристские тенденции и, следовательно, существовали условия для постепенной социально-экономической, культурной, а во многих случаях и языковой интеграции всего населения страны. Хотя полное равенство всех этносов в классовых обществах вообще недостижимо, все же в некоторых государствах разных исторических периодов возникало более или менее длительное и устойчивое *этническое равновесие*, в сохранении которого было заинтересовано большинство народов, сплотившихся в этнополитическую общность. Если такое равновесие нарушалось из-за роста этнических антагонизмов и конфликтов, сама общность оказывалась под угрозой распада.

Таким образом, эти общности не были характерны для завоевательных империй, народы которых оказывались объединенными только тем, что управлялись из одного центра, но не взаимодействовали повседневно в социально-экономической и культурной областях.

Учитывая все сказанное выше, мне хотелось бы отметить, что в период Казанского ханства наблюдалось создание новой этнополитической общности⁸⁰: имелись устойчивое этническое равновесие, социально-экономическая, культурная и языковая ин-

теграция, население осознавало свою принадлежность к единому политическому целому (об этом неоспоримо свидетельствует совместная война за независимость народов Среднего Поволжья в середине XVI в.) и признавало это целое своей Родиной.

Примечания

- ¹ *Фэхретдин Р.* Казан ханнары. Казан, 1995; *Эхмэрев Г.* Казан тарихы // Мэгариф. 1993. № 3; *Баттал Г.* Татар тарихы // Аргамак. 1996. № 7. М.Г. Сафаргалиев называет 1421 г. (*Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... М., 1996. С. 447), а некоторые исследователи относят это событие к 1428 г. (см.: *Астайкин А.А.* Опыт сопоставительного исследования: Монгольская империя // «Арабески» истории. Вып. 2. Пустыня Тартари. М., 1995. С. 571. М.Г. Худяков относил это событие к «концу 1420-х годов» (*Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 23).
- ² См.: *Исхаков Д.* Казан ханлыгы тарихынын билгесез битлэре // Мирас. 1993. № 10. 42–48 б.
- ³ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 533.
- ⁴ *Сафаргалиев М.Г.* Указ. раб. Саранск, 1960. С. 200.
- ⁵ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950. С. 414.
- ⁶ *Семенов В.* Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. М., 1836. С. 39.
- ⁷ Казанская история (далее – КИ). М.; Л., 1954. С. 49.
- ⁸ Современные казанские археологи считают, что город Казань возник не позднее XI–XII вв. В свое время об этом писал А.Х. Халиков. См., напр.: *Иванов В.В., Халиков А.Х.* О времени возникновения Казани // История СССР. 1975. № 6.
- ⁹ КИ. С. 53. Г. З. Кунцевич, долгие годы изучавший данную летопись, отмечал, что Казанская история «как исторический источник имеет много неточностей, недостатков, ошибок» (*Кунцевич Г.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 201). Поэтому правомерно мнение М.Г. Худякова о естественной смерти хана (см.: *Худяков М.* Указ. раб. С. 33.)
- ¹⁰ Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.). Казань, 1993. С. 14.
- ¹¹ См., напр.: *Хамидуллин Б.Л.* Становление и развитие Казанского государства // Аргамак. 1995. № 12. С. 154–165. Р.Г. Фахрутдинов называет Казанское государство рубежа XIV–XV вв. «княжеством с местным управлением», во главе которого «был свой правитель» (см.: *Фахрутдинов Р.Г.* История татарского народа и Татарстана. Казань, 1995. С. 177).
- ¹² *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследования о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 4–5; *Алишев С.Х.* Образование Казанского феодального государства // Тез. докл. итоговой науч. сессии за 1972 год. Казань, 1973. С. 124–127; *Фэхретдинов Р.* Мондадыр безнен бабайлар. Казан, 1992. 122–124 б.; *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 13 и др.
- ¹³ *Лызлов А.* Скифская история. Ч. 3. Гл. 1. М., 1990.
- ¹⁴ Эту дату назвал еще А. Савич: «На Волге в прежнем Булгарском царстве, после 1361 г., образовалось самостоятельное Казанское царство, начало которому положил Булат-Темир». См.: *Савич А.* Золотая Орда // История в школе. 1936. № 2. С. 46.
- ¹⁵ *Эхмэтжанов М.* Казан ханнары тарихыннан // Идел. 1994. № 11. 60–65 б.
- ¹⁶ *Мухамдиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 125–140.
- ¹⁷ *Мэржани Ш.* Мостэфадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. Казан, 1989. 165 б.
- ¹⁸ См.: *Хамидуллин Б.* Марджани о возникновении Казанского ханства // Татарские края. 1998. № 2–3. С. 7.
- ¹⁹ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Указ. раб. С. 417. М.Г. Худяков также отмечал, что «основное население Казанского ханства составляли потомки древних болгар» (*Худяков М.* Указ. раб. С. 20).
- ²⁰ *Ахметзянов М.* Между Волгой и Яиком // Идель. 1991. № 10–11. С. 82.
- ²¹ *Фахрутдинов Р.Г.* Мелодия камней. Казань, 1986. С. 162, 191.
- ²² *Фахрутдинов Р.Г.* История татарского народа и Татарстана. С. 178; *его же.* Казан ханлыгынын барлыкка килүе // Мирас. 1997. № 3. 97 б.
- ²³ *Исхаков Д.М.* Введение в историческую демографию волго-уральских татар. Казань, 1993. С. 8.
- ²⁴ КИ. С. 53.
- ²⁵ *Исхаков Д.М.* Введение... С. 11.
- ²⁶ *Эхмэрев Г.* Казан тарихы // Мэгариф. 1993. № 2. 55 б.
- ²⁷ КИ. С. 51–52.
- ²⁸ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 11–12. М., 1965. С. 63–64.
- ²⁹ См. прим. 22.
- ³⁰ См.: *Бромлей Ю.В., Пучков П.И.* Типология этнических процессов // Всемирная история и Восток. М., 1989. С. 71.
- ³¹ См.: *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1996.

³² В границах Крымского ханства формировались крымские татары, в границах Астраханского ханства – астраханские татары, в границах Сибирского ханства – сибирские татары, в границах Касимовского ханства – касимовские татары и т.д.

³³ КИ. С. 53.

³⁴ См., напр.: *Худяков М.* Указ. раб.; *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI в.). Автореф. дис. .... канд. ист. наук. М., 1950; *Исхаков Д.М.* К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств // Панорама-Форум. Казань, 1995. № 3. С. 95–107; *Хамидуллин Б.Л.* Этнический состав Казанского ханства // Аргамак. 1995. № 10–11. С. 167–171.

³⁵ См., напр.: *Хомич Л.В.* О содержании понятия «этнические процессы» // Советская этнография (далее – СЭ). 1969. № 5. С. 79–87.

³⁶ *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 153; *его же.* Очерки теории этноса. С. 233–234.

³⁷ См., напр.: *Sulzbach W.* National consciousness. Wash., 1943; *Козлов В.И.* О понятии этнической общности // СЭ. 1967. № 2. С. 109; *Хомич Л.В.* Указ. соч. С. 83; *Крюков М.В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. Вып. 6. М., 1976.

³⁸ Первые исторические сведения о древнетатарских племенах, союзе племен «Отуз-татар» относятся к 552 г.

³⁹ См.: *Кляшторный С.Г.* Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания».* М., 1993. С. 139–147.

⁴⁰ *Шәриф Хаджитархани.* Казан вилайәтенен жинүе // Идел. 1995. № 1. 12–16 б.; *Халиков А.Х.* Кто мы – булгары или татары? Казань, 1992. С. 16.

⁴¹ Выступление А.Г. Мухамедиева на 2-й Региональной научн. конф. «Проблемы истории и культуры Волго-Уральского региона» 15 апреля 1998 г. в Казани.

⁴² К сожалению, при определении самоназвания государствообразующего населения Казанского ханства мы вынуждены опираться на сведения русских летописей, так как местные источники периода Казанского ханства слишком малочисленны. См.: *Хамидуллин Б.Л.* Источники по истории Казанского ханства // Идель. 1998. № 6. С. 62–65. Есть очень редкие свидетельства, исходящие от самого населения ханства: казанский поэт XV в. Омми Камал называл себя татаринном (*Миннегулов Х.* Казан ханлыгы чоры язма мэдәнияте // *Мирас.* 1993. № 11. 34 б.), казанский поэт XVI в. Мухамедъяр отрицательно относился к имени «татарин» (*Мохэммедъяр. Тохфәи мәрдан. Нуры содур. Поэмалар.* Казан, 1993. 41 б.), а многие люди имели тахаллус «ал-Булгари».

⁴³ *Хамидуллин Б.Л.* Историография этнической истории Казанского ханства // Идель. 1997. № 5. С. 70–72; *его же.* Дореволюционные историки о населении Казанского государства // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Казань, 1997. С. 202–204.

⁴⁴ *Крюков М.В.* Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 159.

⁴⁵ См. прим. 11.

⁴⁶ *Юсупов Г.В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960. Карта между с. 6–7; *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства: По писцовым книгам // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 272; *Фахрутдинов Р.Г.* История татарского народа и Татарстана. («Карта археологических памятников и селений Казанского ханства» на с. 182–183).

⁴⁷ Единственное сообщение имеется под 1461 г., когда «князь велики... хотя ити на Казанского царя... и ту придоша к нему послы ис Казани и взяша мир». См.: ПСРЛ. Т. 28. М., 1963. С. 284.

⁴⁸ *Мәржани Ш.* Указ. раб. С. 164.

⁴⁹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Указ. раб. Ч. 2. СПб., 1863. С. 426; *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический... С. 317; *его же.* Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958. С. 5; *Юсупов Г.В.* Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза... С. 217–231. *Баарин* – монгольское племя из нирунов (*Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 132 и др.); в долине р. Аргунь кочевали монгольские (?) племена шивэй (Мэн-да бэй-лу. М., 1975. Комментарий Н.Ц. Мункуева № 1 на с. 89), а в первый состав улуса Темучжина входило древнемонгольское племя *арулат*, вышедшее из области Эргунэ-Кун (*Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. М., 1995. С. 54, 266); *манхут* – монгольское племя из нирунов (*Рашид ад-Дин.* Указ. раб. Т. 1. Кн. 2. С. 18). С.Г. Кляшторный указывает, что, возможно, названные племена являлись древнетатарскими (ответ на вопрос автора при встрече в Институте истории АН Татарстана 27 марта 1998 г.).

⁵⁰ *Исхаков Д.М.* О происхождении «арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Закавказье. Проблемы истории и культуры. Казань, 1995. С. 97; *его же.* К вопросу... С. 95–107.

⁵¹ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 184. Китайский источник «Юань ши» сообщает: «Во времена Тай-цзу (имеется в виду Чингисхан. – Б.Х.) Мухуали, Чилаовэн, Борху и Борчжу составили четыре цесе (*кешик* – гвардейская стража. – Б.Х.) для того, чтобы командовать цеседаи (*кешиктенами* –

гвардейцами. – Б.Х.) и поочередно служить в качестве гвардии императора. Эти четверо звались дэрбен кулод ("четыре героя")... Тай-цзу приказал им, передавая эту власть по наследству, командовать четырьмя цесе» (цит. по: *Кычанов Е.И.* Указ. раб. С. 54–55).

⁵² Там же. С. 344. Прим. 676.

⁵³ *Мухамедьяров Ш.Ф.* Земельные правоотношения... С. 7.

⁵⁴ *Худяков М.* Указ. раб. С. 174.

⁵⁵ Там же. С. 177.

⁵⁶ По мнению Г. Ахмерова, «улу карачи» был ханского рода. См.: *Эхмэров Г.* Казан тарихы // *Мэгариф.* 1993. № 2. С. 54 б.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. М., 1965. С. 187.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 232, 260, 266, 271 и др. Это дает повод не согласиться с мнением В.Л. Егорова, что «необходимость в этом институте (курултае. – Б.Х.), носившем в значительной степени догосударственный военнотерриториальный характер, отпадает с появлением наследственной монархии». См.: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 172.

⁵⁹ Хади Атласи называет это как «весь народ Казанский и Казанский Юрт». См.: *Атласи Х.* Себер тарихы. Соембикэ. Казан ханлыгы. Казан, 1993. 255 б.

⁶⁰ *Худяков М.* Указ. раб. С. 193.

⁶¹ Там же. С. 195; *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 168.

⁶² ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 107.

⁶³ Речь идет о феодализирующейся знати периферийного населения Казанского ханства, этнического меньшинства, представленного предками современных башкир, марийцев, мордвы, удмуртов и чувашей.

⁶⁴ *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья (XVI – начало XIX в.). М., 1990. С. 42.

⁶⁵ *Мухамедьяров Ш.Ф.* Земельные правоотношения... С. 10–14.

⁶⁶ *Вахидов С.Г.* Ярлык хана Сахиб-Гирея // *Вестн. научного общества татароведения.* № 1–2. Казань, 1925. С. 29–37; *Госманов М., Мохэммедьяров Ш., Степанов Р.* Яна ярлык // *Казан утлары.* 1965. № 8. 146–150 б.; *Мухамедьяров Ш.Ф.* Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 года // *Новое о прошлом нашей страны.* М., 1967. С. 104–109; *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 77–78; *Muhamedyarov S., Vasary I.* Two Kazan tatar edicts // *Between the Danube and the Caucasus A Collection of Papers Concerning Oriental Sources on the History of the Peoples of Central and South-Eastern Europe.* Вр., 1987. P. 181–216.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 147; Т. 29. С. 47.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 5, 14, 25, 31, 81.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 19. С. 391.

⁷⁰ *Мэржани Ш.* Указ. раб. С. 199–200.

⁷¹ *Эмирхан Р.* Вождан иреге: тарихи параллельлэр // *Исламо-христианское пограничье: Итоги и перспективы изучения.* Казань, 1994. С. 100–108.

⁷² *Худяков М.* Указ. раб. С. 207. Его поддержал и М.Г. Сафаргалиев (см.: *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // *На стыке континентов и цивилизаций...* С. 502), и другие исследователи.

⁷³ *Мухамедьяров Ш.Ф.* Земельные правоотношения... С. 25. Отмечая обремененность податного населения в Казанском ханстве, нельзя «перегибать палку» и нужно быть объективным, так как в любом государстве существует система налогообложения и повинностей.

⁷⁴ Там же. С. 25–26; *Худяков М.* Указ. раб. С. 211–213.

⁷⁵ *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 151.

⁷⁶ *КИ.* С. 78, 83.

⁷⁷ *Газиз Г.* История татар. М., 1994. С. 109. Русский потомственный дворянин М.Д. Каратеев писал: «Подвластных им народов – черемисов, башкиров, чувашей и иных, – татары не притесняли, и поэтому никаких мятежей и восстаний против них тут не было. Наоборот, – все эти народы, по-видимому, были довольны порядком, который установили казанские цари, и поддерживали их в борьбе с внешними врагами». См.: *Каратеев М.Д.* Казанское царство // «Арабески» истории. Вып. 1. М., 1994. С. 54.

⁷⁸ Это дало возможность Ш.Ф. Мухамедьярову назвать Казанское ханство «национальным государством казанских татар». См.: *Вопр. истории.* 1950. № 4. С. 144; *Мухамедьяров Ш.Ф.* Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности // VIIth Congr. of Anthropological and Ethnological Sciences. В. 2. Culture History. Tokyo, 1968. P. 54. Современная этнографическая наука называет казанских татар субэтносом волго-уральской этнотерриториальной группы татар. В свою очередь, казанских татар этнографы подразделяют на несколько этнографических и этносословных групп, которые также имеют сложное внутригрупповое членение.

⁷⁹ *Брук С.И., Чебоксаров Н.Н.* Метаэтнические общности // *Расы и народы.* Вып. 6. М., 1976. С. 15–41.

⁸⁰ Именно это дало возможность Ш. Мухамедьярову назвать Казанское ханство «государственным образованием народов Среднего Поволжья». См.: *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический... С. 5.

B.L. Khamidullin. Formation of the Kazan khanate: ethnic and social aspects

In the ethnosocial and political history of many peoples that have long since inhabited the mid-Volga territory the problem of formation of the Kazan khanate is one of the most crucial.

The article points out that at the turn of the 14th–15th centuries to power in the Kazan khanate ascended a horde dynasty. The arrival to the Mid-Volga area of the numerically inferior to the local population horde of Khan Ulu-Muhammed led to the transformation and qualitative changes in the ethnic development of the basic local population and to the formation in the Kazan khanate's period of the Kazan Tatars subethnos within the composition of the Tatar ethnos.

© 1999 г., ЭО, № 4

Э.Л. Нитобург

РУССКАЯ ИММИГРАЦИЯ В США В ЗЕРКАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ СТАТИСТИКИ

Русская диаспора в США относительно невелика и сложилась лишь в XX веке в результате трех волн эмиграции сначала из Российской империи, а затем из Советской России и СССР. Первая волна – это от середины 90-х годов XIX в. до 1917 г., вторая – от гражданской войны 1918–1922 гг. до 1944 г., третья – от 1945 г. до 60-х годов XX в., когда в США был разрешен въезд так называемым перемещенным лицам и «беженцам от коммунизма» и в их числе тысячам выходцев из России и СССР, не пожелавшим по разным причинам возвращаться на родину. Исторические особенности каждого из этих периодов нашли свое отражение в социальном и этническом составе, политических взглядах и убеждениях, причинах исхода, а также в характере деятельности и степени активности иммигрантов в Америке. Им пришлось претерпеть там немало трудностей, о которых мы все еще знаем очень немного. Даже некоторые представленные в нашей литературе и основанные на официальной американской статистике данные вызывают определенные сомнения. Вероятно, пришло, наконец, время отечественным ученым вплотную заняться исследованием истории и судеб русской диаспоры в Соединенных Штатах в XX в.

Уже спустя десяток лет после продажи Россией в 1867 г. Аляски в бывших владениях «Русско-Американской компании» на о. Ситка оставалось не более пяти русских семей. Остальные русские либо вернулись в Россию, либо переселились в Сан-Франциско. Судя по разным публикациям, к началу 70-х годов XIX в. немногочисленные группки русских иммигрантов имелись также в Нью-Йорке, Бостоне, Новом Орлеане. Н. Славинский, побывав тогда в США, писал: «Число наших иммигрантов за океаном невелико, и не тысячи, а едва ли сотни...». А к 1880 г. уже только в Нью-Йорке насчитывалось около 50 русских¹.

Регулярный учет приезжавших в США иммигрантов стал вестись и нашел свое отражение в американской статистике только в 1820 г. Из России туда прибыло в последующие 50 лет всего 7550 иммигрантов². Однако до 1899 г., т.е. до конца XIX в. американская иммиграционная статистика учитывала, как правило, страну происхождения иммигранта без указания его этнической принадлежности. Поэтому, сколько среди российских иммигрантов, прибывших в Америку в XIX в. из Российской империи, было немцев, поляков, евреев, финнов, литовцев, латышей, русских и др. – неизвестно.

Лишь в 1881 г. иммиграция в США из Российской империи впервые превысила 10 тыс. чел. в год. Только с этого времени она стала постепенно принимать массовый